

УДК 340, 347.78

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-89-93

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ДУАЛИЗМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

канд. юрид. наук М.Н. КОМАШКО

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5211-0055>e-mail: komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы соотношения личных неимущественных прав автора и исключительного права правообладателя в постиндустриальном обществе. Особое внимание обращено на принципиально различные последствия нарушения прав на произведения в условиях цифровизации, которые возникают в имущественной и неимущественной сфере. Автор последовательно рассматривает влияние цифровизации на общее учение о правонарушениях, на отношение исследователей к интеллектуальной собственности и на учение об интеллектуальных правах. В статье сделан вывод, что переход к постиндустриальному обществу и цифровой экономике не влечет необходимости в какой-либо корректировке учения о правонарушении. Зато вскрывает внутреннее противоречие, заложенное в учении об интеллектуальных правах. Автор приходит к выводу, что личные неимущественные права и исключительное право в силу их сущностных различий не могут составлять единый правовой институт и их следует разделить в самостоятельные категории прав, что позволит решить многие проблемы права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: личные неимущественные права, исключительное право, автор, правообладатель, интеллектуальная собственность, правонарушение, Ждун, *Homunculus loxodontus*.

Введение. В 2023 г. на ежегодной конференции Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой «Право и цифровые технологии» я обращалась к проблеме авторского контента в сети Интернет. Речь шла о новом «фольклоре» (в кавычках – потому что на самом деле, это, конечно, никакой не фольклор, а авторские произведения) и об отставании права интеллектуальной собственности от темпов развития общественных отношений, складывающихся в цифровом мире. Новые технологии привели к тому, что автор оказался один на один с толпой публики (потенциальными и действующими нарушителями его прав) со всего мира, с одной стороны, и один на один с так называемыми «платформами» (а на самом деле – транснациональными компаниями, бизнесом которых являются эти платформы) – соцсетями и проч.

Однако цифровизация порождает не только проблему неравного положения автора и «нового издателя» – платформы – и не только проблему защиты интеллектуальных прав от нарушителей со всех концов мира, но заставляет поставить даже более существенные вопросы: в частности, о природе и признаках правонарушения, а также о соотношении личных неимущественных прав автора и исключительного права правообладателя, которые принято объединять в категорию интеллектуальных прав.

Основная часть. Для большей наглядности обратимся к истории, произошедшей с произведением, известным русскоязычной публике под названием «Ждун». История эта, помимо прочего, примечательна тем, что мы были очевидцами её зарождения и расцвета, и при этом прошло уже достаточно времени, чтобы можно было осмыслить её итоги.

Изначально это была скульптура, которую в 2016 г. по заказу университетского медицинского центра из небольшого городка Лейден, что в Южной Голландии, создала Магрит ван Бреворт, никому не известная и только начинающая свой профессиональный путь скульптора. Автор назвала скульптуру «Гомункул Слоноподобный». Гомункул был установлен в зале ожидания медцентра и весьма нравился посетителям. Но широкой известности автору скульптура не принесла – о ней знали лишь посетители учреждения. Так сказать, знаменитость районного масштаба. Но однажды все изменилось. Фото скульптуры попало в русскоязычный сектор Интернета, и Гомункул сразу же получил остроумную кличку «Ждун». С этого момента началось победное шествие Ждуна по Рунету и восхождение Магрит к славе и популярности в 1/6 части мира, как минимум¹.

Милаха Ждун с легкой руки неизвестных нам интернет-шутников становится популярным мемом. А кроме того, он начинает жить собственной жизнью, отдельно не только от автора и правообладателя, но даже и от мема

¹ См., например: Автор Ждуна: эта скульптура изменила мою жизнь // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38881989> (дата обращения 15.11.2024); Создательница Ждуна впервые посетит Россию // [https://www.sostav.ru/publication/sozdatelnitsa-zhduna-vpervye-posetit-rossiyu-26880.html#:~:text=Homunculus%20loxodontus%20\(%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B5.%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%9B%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5](https://www.sostav.ru/publication/sozdatelnitsa-zhduna-vpervye-posetit-rossiyu-26880.html#:~:text=Homunculus%20loxodontus%20(%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B5.%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%9B%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5) (дата обращения 15.11.2024); Насрутдинова Д. Анатолий Булыгин, совладелец «Си Ди Лэнд Контакт»: «У бренда “Ждун” феноменальная узнаваемость и огромный потенциал» // URL: <https://licensingrussia.ru/article/14368-anatolii-bulygin-sovladelets-si-di-lend-kontakt-u-brenda-zhdun-fenomenalnaia-uznavаемost-i-ogromnyi-potentsial/> (дата обращения 15.11.2024).

и Интернета: в виде игрушек, наклеек, свитшотов, кружек² и копий скульптур (известно о, как минимум, трех копиях, установленных в разных городах³).

Таким образом, налицо множество нарушений прав Магрит ван Бреворт, возникшее первоначально в интернет-среде, а затем выплеснувшееся в физический мир. Однако нельзя не заметить, что нарушение прав Магрит одновременно принесло ей большую пользу, а вовсе не ущерб. Как же так получилось, что нарушение субъективного права оказалось благом для обладателя нарушенного права? Он – все-таки потерпевший, или облагодетельствованный правонарушителем? Из теории права мы знаем, что правонарушение – это всегда что-то плохое, всегда ущерб правам и интересам. Не может такого быть, чтобы правонарушение каким-то чудесным образом осчастливило обладателя права – то лицо, чье право подверглось нарушению. По крайней мере, вне цифровой среды такое действительно (было) невозможно.

Принято выделять следующие признаки правонарушения:

- деяние (действие или бездействие);
- вина;
- противоправность;
- вредный результат;
- причинная связь между деянием и вредным результатом;
- юридическая ответственность [см., например, 1, с. 208].

Случаи использования Ждуна, как в виде мемов, так и в «говарном» виде, соответствуют приведенным выше признакам. Деяния имелись (в виде активных действий по изготовлению и распространению изображений и товаров с ними, а также копий скульптуры). Вина в наличии: действия совершались умышленно [см., например, 1, с. 210]. Противоправность также имеется: действия по использованию объекта авторского права без разрешения правообладателя нарушают нормы права интеллектуальной собственности. За нарушение этих норм права предусмотрена гражданско-правовая (а в ряде случаев – и уголовно-правовая) ответственность. Остается проверить соответствие совершенных деяний признакам «вредный результат» и «причинная связь между деянием и вредным результатом». Без вредоносности, причинения ущерба поступок не считается правонарушением [см., например, 1, с. 210]. Какой же ущерб причинен ван Бреворт усилиями любителей мемов и прочих фанатов Гомункула-Ждуна?

Как уже было отмечено выше, до нарушения прав (т.е. до совершения деяний, которые мы считаем правонарушением) Магрит и её скульптура были знаменитостями районного масштаба. Даже в маленькой Голландии о ней никто особенно и не знал. А вследствие нарушения её прав (путем распространения изображений Ждуна) она обрела невероятную популярность в русскоязычной части мира. Надо сказать, что сама Магрит очень рада неожиданно свалившейся на нее известности (и никаких претензий к «проводникам» Гомункула в русскоязычный мир не имеет)⁴. Вообще, будем честны перед собой: каждый автор мечтает, чтобы его права так удачно нарушили и обеспечили ему такую популярность, можно сказать – народную любовь.

Что касается прямой причинно-следственной связи между деянием и получившимся результатом, представляется, что она очевидна: не будь Гомункул переработан в мемы про Ждуна, никто из нас никогда бы не узнал о существовании какой-то Магрит ван Бреворт и странной скульптуры в университетском медцентре.

Итак, все признаки правонарушения в рассматриваемых деяниях налицо. Только с вредными последствиями неувязка. Какие-то они не вредные; прямо-таки предел мечтаний, а не ущерб. Что же получается? Что развитие информационные технологии и современная интернет-среда, в частности, меняют наши представления о правонарушениях?

Раньше мы не могли себе представить, чтобы авторы стремились к массовому нарушению их прав (или хотя бы в тайне желали этого). А сейчас цифровизация привела нас к тому, что большим успехом считается, если твои права нарушаются повсеместно: имеются в виду не только мемы, но и так называемые «фотожабы» и прочее интернет-творчество, и особенно – вирусные видео. А ещё правонарушения в современной культуре делают из правонарушителей героев нашего времени и любимчиков не только публики, но и самих «пострадавших». В частности, кавер-исполнители и авторы ремиксов не только не привлекаются к ответственности за нарушение интеллектуальных прав (каверы, в основном, представляют собой не пародии, создание которых закононо, а переработки, для осуществления которых требуется разрешение правообладателя), а вместо этого становятся «звездами», причем не редко – при поддержке «обворованных» обладателей прав на оригинальные песни⁵.

² См., например: Ждун денег. Как зарабатывают на самом популярном меме // URL: <https://life.ru/p/974754> (дата обращения 15.11.2024 г.); Пуликова Л. Как автор Ждуна будет зарабатывать на меме в России // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/346079-kak-avtor-zhduna-budet-zarabatyvat-na-meme-v-rossii> (дата обращения 15.11.2024).

³ См., например: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B4%D1%83%D0%BD> (дата обращения 15.11.2024 г.); Ждун появился на ретро-площадке парка Дома офицеров в Чите // URL: <https://www.chita.ru/text/society/2017/05/17/71027045/> (дата обращения 15.11.2024); Дзержинский Ждун. В городском парке появилась популярная в Интернете скульптура // URL: <https://dzertv.ru/dzerzhinskiy-zhdun-v-gorodskom-parke-poyavilas-populyarnaya-v-internete-skulptura/> (дата обращения 15.11.2024).

⁴ Автор Ждуна: эта скульптура изменила мою жизнь.

⁵ В качестве примеров можем вспомнить таких артистов, как дуэт Боня и Кузьмич, Иманбек и др. (см., например: Боня и Кузьмич (Kiesza – Hideaway Cover) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YfZmCAZwhyY> (дата обращения 15.11.2024); SAINt JHN "Roses" Imanbek Remix Kazakh Clip // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DGYgNnMg5WA> (дата обращения 15.11.2024); SAINt JHN автор трека ROSES про ремикс от Иманбека // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jp8KWoyoe4U> (дата обращения 15.11.2024).

К какому выводу заставляет нас прийти анализ всех вышеперечисленных ситуаций? Что учение о нарушениях субъективных прав устарело и в эпоху цифровизации нуждается в корректировке, если не сказать – переосмотре? Или что право интеллектуальной собственности устарело и пришла пора выкинуть его на свалку истории? Ведь если нарушение нормы права не приводит к негативным последствиям для управомоченного лица, то зачем вообще нужна такая норма? Если субъективное право не нуждается в ней, в её защите, чего ради она существует? В чем общественная опасность деяния, если ничьи субъективные права не нарушаются? Получается, запрещенное правом деяние не несет общественной опасности. Почему тогда оно запрещено?

Столько вопросов и ни одного ответа. Однако не стоит делать резких движений и рубить с плеча. Как видится, тут дело несколько в другом.

Что такое интеллектуальные права? Как известно, под этим названием объединены несколько видов прав: личные неимущественные права автора и исключительное право правообладателя, а также в России к интеллектуальным правам относят так называемые «иные права» (право следования и проч., которые в рамках настоящей работы нас не интересуют)⁶ [2, с. 45; 3, с. 26; 4, с. 23–24; 5, с. 96]. Какие же права из числа интеллектуальных нарушаются в случае распространения в Интернете, переработки, воспроизведения объекта авторских прав? Очевидно, что нарушается исключительное право, принадлежащее правообладателю. Согласно норме закона, лицо, желающее изготовить и продать условную кружку со Ждуном или использовать фото скульптуры в рекламе, или приделать к фото скульптуры подпись и распространить его в Интернете, или сделать кавер на чужую песню, или разместить у себя на страничке в соцсети чужое видео, должно получить разрешение правообладателя (как известно, им часто является автор, но не всегда). Подразумевается, что за такое разрешение правообладатель может потребовать уплаты некоторой суммы денег. То есть вредные последствия перечисленных выше деяний, когда они совершаются без согласия правообладателя, состоят в лишении правообладателя контроля над «жизнью» произведения и лишении его дохода в виде лицензионного платежа (как правило).

Почему же потерпевшие, вместо того, чтобы негодовать и немедленно бежать в суд с иском, наоборот, довольны происходящим? Представляется, что довольны они только одним – получением известности (либо ещё большей известности), пиаром, который происходит в виде использования их произведения.

Однако довольны этим обстоятельством только авторы и исполнители. Когда имущественное право (исключительную лицензию на право использования скульптуры) у автора – Магрит ван Бреворт – приобрело некое ООО «Си Ди Лэнд контакт»⁷, новоиспеченный лицензиат сразу же пошел в суд привлекать к ответственности всех правонарушителей и взыскивать с них кругленькие суммы в качестве компенсации. В российской Информационной системе «Картотека арбитражных дел»⁸ зафиксировано 1014 арбитражных споров, в которых истцом выступает названная выше организация, и которые начаты после заключения лицензионного договора. Как видим, обладателю имущественного права, пусть и «всего лишь» исключительной лицензии, нет никакого дела до удовольствия Магрит ван Бреворт от свалившейся на неё известности и популярности её скульптуры на просторах русскоязычного мира.

Представляется, что авторы и исполнители, если бы относились к своим творческим достижениям как к бизнесу или, по крайней мере, имуществу, тоже были бы не прочь извлекать из них материальную выгоду. В конце концов, авторы не духи бестелесные, им надо где-то жить и что-то есть. Почему же они довольны в таком случае (а не нанимают адвокатов, чтобы судиться с нарушителями исключительных прав)? Естественно, не от нарушений их имущественных прав авторы получают удовольствие, и мечтают они не об этом. Довольны они своей новой популярностью, вниманием, привлеченным к их имени и авторству или исполнительству (пусть даже в виде переработки). То есть речь идет о выигрыше в области личных неимущественных прав. И этот выигрыш компенсирует или даже превышает убыток в имущественной сфере.

Получается, что мы имеем столкновение двух разных прав. В интересах ли Магрит ван Брейворт борьба ООО «Си Ди Лэнд контакт» с незаконным использованием образа Ждуна? Вряд ли. От судов и взысканных компенсаций выигрывает лицензиат, причем как материально, так и репутационно. С чьим именем теперь связан Ждун? Нынче на Ждуне активно строит свой бренд лицензиат, а не автор; теперь все знают, что Ждун – это проект ООО, а кто там был автором, уже мало кто вспоминает (включая самого лицензиата)⁹. Итак, личные неимущественные права автора и исключительное право правообладателя противоречат, как минимум, отчасти, друг другу. Однако и те, и другое считаются составляющими одной и той же категории прав – интеллектуальных прав. Может ли быть такое, что «парные» права, вместо того, чтобы гармонично дополнять друг друга в едином правовом институте, вступают в конфронтацию?

⁶ См., например: ст. 982 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ст. 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁷ См., например: Макарова Е., Афанасьева А., Новый В. Контрафакт дождался правообладателя. Лицензиат образа Ждуна начал бороться с нелегальной продукцией // Газета «Коммерсантъ», выпуск от 16.08.2017, № 149, с. 7. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3385022> (дата обращения: 15.11.2024); Насрутдинова Д. Анатолий Булыгин, совладелец «Си Ди Лэнд Контакт»: «У бренда “Ждун” феноменальная узнаваемость и огромный потенциал».

⁸ URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁹ Насрутдинова Д. Анатолий Булыгин, совладелец «Си Ди Лэнд Контакт»: «У бренда “Ждун” феноменальная узнаваемость и огромный потенциал».

Тут было бы интересно провести сравнение с каким-нибудь другим гражданско-правовым институтом и найти с его помощью ответ на поставленный выше вопрос; однако представляется, что в гражданском праве затруднительно отыскать еще один столь же сложносочиненный институт права. Может быть, некоторую аналогию можно провести с детско-родительскими и брачными правоотношениями, где тоже сочетаются личная и имущественная сферы. Но семейное право все-таки обладает достаточной спецификой и проводить сравнение отдельных институтов гражданского и семейного права друг с другом, наверное, не вполне корректно. Поэтому обратимся к наиболее похожей, насколько можно судить, ситуации: изготовитель и собственник вещи. Похожи они следующим: изготовитель создает новую вещь, которой раньше не было, как и автор – произведение, и становится её первым собственником, как и автор – первым правообладателем; затем изготовитель отчуждает созданную вещь новому собственнику, как и автор отчуждает исключительное право новому правообладателю.

Итак, может ли быть, чтобы изготовителю (бывшему собственнику) было выгодно, чтобы права нового собственника нарушались, да еще и всеми подряд, и чтобы вещь дополнялась разными надписями и другим контекстом, перерабатывалась и т.д.? Представляется, что такой ситуации быть не может. Изготовителю будет либо все равно, каким образом складывается дальнейшая судьба вещи у нового собственника, либо ему будет досадно от того, что с изготовленной им вещью обращаются не тем образом, который предполагался изначально. Однако ни в том, ни в другом, ни в каком ином случае изготовитель не получит никакой выгоды от нарушения прав собственности на его бывшую вещь. То есть очевидно, что интересы изготовителя и нового собственника в отношении третьих лиц совпадают либо, как минимум, не противоречат друг другу: из фактов нарушения третьими лицами прав друг друга ни один из них не извлечет никакой пользы для себя.

В ситуации же с личными неимущественными правами и исключительным правом – не так. Это совершенно разнородные права: одно право служит приобретению славы, другое же служит получению денег. И когда управомоченными субъектами оказываются разные лица, – конфликт интересов становится неизбежен. Ведь то, что выгодно автору, не выгодно правообладателю. А то, что выгодно правообладателю, не выгодно автору. Об это сущностное противоречие ломают копыя все, кто рассуждает о концептуальной необоснованности авторского права и – шире – всего права интеллектуальной собственности, о вреде интеллектуальной собственности в современном постиндустриальном мире и даже о научных исследованиях и праве общества и индивида на информацию¹⁰ [см., например, 6–8].

Необходимо отметить, что до эпохи цифровизации, пожалуй, невозможно было раздельное существование исключительного и личных неимущественных прав: без физического воплощения ни произведения, ни прав автора не существовало, а использование произведения заключалось лишь в физической передаче или представлении его публике. Распространение произведения и приобретение автором известности происходило без отрыва от исключительного права правообладателя (например, издателя). И по-другому было невозможно. А в случае создания копий произведения с нарушением исключительного права, они распространялись среди весьма ограниченного круга лиц, что не позволяло автору получить сколько-нибудь заметные нематериальные выгоды (тем более, что чаще всего незаконные копии создавались, когда имя автора уже гремело, а публика была наслышана о произведении). То есть большей славы, нового витка популярности в результате распространения контрафакта автор не получал. Сравним это с современной практикой: распространение в Интернете текста книги в электронном виде приводит к тому, что весь мир (а не весьма и весьма ограниченный круг посетителей книжного магазина и сайта издателя) в одно мгновение узнает об авторе и его умных интересных мыслях, изложенных в книге. В последнее время ещё и инструменты на базе искусственного интеллекта развились настолько, что за несколько секунд можно получить вполне сносный перевод иностранного текста на свой родной язык (если он достаточно распространен), что в принципе снимает барьеры в международном распространении литературы, в частности, и получении автором признания во всех странах мира. Та же история со Ждуном просто не могла бы случиться без цифровизации.

По всей видимости, необходимо прийти к выводу, что между личными неимущественными правами и исключительным правом не просто «может возникать коллизия» [4, с. 23], – они вообще не могут составлять единый правовой институт. По крайней мере, *теперь* – уже не могут. Разделение этих двух разных прав согласно их сущностным характеристикам, прежде всего, нацеленности на разные блага и интересы, элегантно решает если не все, то большинство проблем, обсуждаемых в сфере права интеллектуальной собственности, буквально со времен его зарождения (о последнем обстоятельстве – см., например, [9; 10]).

Заключение. В статье была рассмотрена проблема соотношения личных неимущественных прав автора и исключительного права правообладателя на примерах нарушений прав на произведения как в цифровой среде, так и в современном реальном мире. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что цифровизация общественных отношений и переход к постиндустриальной экономике не повлекли за собой необходимости ни в пересмотре общего учения о правонарушении, ни в отказе от права интеллектуальной собственности, ни в его редуцировании. Все признаки правонарушения, традиционно выделяемые теорией права, сохраняют свое значение и в постиндустриальном обществе. Однако цифровизация подчеркнула и усилила противоположность

¹⁰ Шаляпина А.С. Информационная культура: проблема авторства: дисс. ... канд. философских наук: 24.00.2001. – Ростов-н/Д., 2011; Иванов А. Интеллектуальная собственность как перераспределительный фискальный инструмент. – URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/intellektualnaya-sobstvennost/> (дата обращения 15.11.2024).

и конфликт между интересами, защищаемыми личными неимущественными правами и исключительными правами. В связи с этим становится очевидно, что названные права не могут входить в состав единого правового института и должны быть разделены в самостоятельные категории.

Признание разнонаправленности, существенных различий между личными неимущественными правами и исключительными правами позволит разрешить множество проблем в праве интеллектуальной собственности, которые вызваны, в частности, смешением статусов автора и правообладателя (когда это один человек), а также смешением культурно-информационной составляющей и материально-имущественной в произведении (в результате интеллектуальной деятельности) и другими подобными причинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. – М.: Юристъ, 2004 – 245 с.
2. Picard E. Le droit pur [Электронный ресурс]. – Paris: Flammarion, 1908. – URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/93808/mod_resource/content/1/Edmond%20Picard%20-%20Le%20Droit%20Pur.pdf. (дата обращения: 15.11.2024).
3. Липчик Д. Авторское право и смежные права [Электронный ресурс] / Пер. с фр.; пред. М. Федотова. – М.: Ладомир; ЮНЕСКО, 2002. – URL: https://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LIPCIK_Deliya/Lipcik_D..html. (дата обращения: 15.11.2024).
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. – М.: Статут, 2005. – 416 с.
5. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учеб. / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
6. Козырев А.Н. Авторское право становится токсичным. Что делать? // Цифровая экономика. – 2022. – № 2(18). – С. 92–96. – URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/903/DE-2022-02-11.pdf.
7. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – № 3. – С. 38–75. – URL: <https://tis.hse.ru/issue/view/1176>.
8. Лисаченко А.В. «Научные ценности» как наднациональная категория // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 4(34). – С. 28–33. – URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729256/>.
9. Прудон П.Ж. Литературные майораты / Пер. с фр. – Петербург: Издание Жиркевича и Зубарева, 1865. – 57 с.
10. Табашников И.Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России – СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. – VIII, 568 с.

Поступила 12.12.2024

DIGITALISATION AND THE DUALITY OF INTELLECTUAL RIGHTS

M. KOMASHKO

(National Research University Higher School of Economics, Moscow)

The article is devoted to the consideration of the problem of correlation between the author's moral rights and the right holder's exclusive right in the post-industrial society. Particular attention is paid to the fundamentally different consequences of infringement of rights to works under conditions of digitalisation, which arise in the property and non-property spheres. The author consistently examines the impact of digitalisation on the general doctrine of law violation, on researchers' attitudes towards intellectual property and on the doctrine of intellectual rights. The article concludes that the transition to a post-industrial society and a digital economy does not necessitate any adjustment of the doctrine of law violation. However, it reveals an internal contradiction embedded in the doctrine of intellectual rights. The author concludes that moral rights and exclusive rights due to their essential differences cannot constitute a single legal institute and they should be divided into independent categories of rights, which would solve many problems of intellectual property law.

Keywords: *author's moral rights, exclusive right, author, right holder, intellectual property, law violation, violation of law, Homunculus loxodontus.*